

„Что бы значило искусство, если бы оно доставалось безъ труда?“—говоритъ Щепкинъ въ письмѣ къ Шумскому. ¹⁾

Тотъ ничего бы однако не понялъ въ творествѣ Щепкина, кто предположилъ бы, что „трудъ“ служилъ для Щепкина замѣной „вдохновенія“. Въдѣ прежде всего сама натура Щепкина отличалась огненной страстностью. Это сказывалось во всемъ. Въ спорахъ онъ часто вскакивалъ съ мѣста, вскрикивалъ и напиралъ на собесѣдника, заставляя его отступать, буквально прижимая его къ стѣнѣ и не переставая сыпать доказательствами. Любопытную сценку рисуетъ намъ Соловьевъ. Передъ репетиціей Мочаловъ сообщилъ товарищамъ, что намѣревается дать въ свой бенефисъ „Гамлета“. „Щепкинъ при этихъ словахъ быстро вскочилъ, точно его сдернуло съ мѣста, и началъ скорѣе кричать, нежели говорить: „Гамлета?! Ты хочешь дать Гамлета? Ты, первый драматическій актеръ, любимецъ московской публики и хочешь угостить ее Дюсисовской дрянью! (Шекспировскій „Гамлетъ“ не былъ ранѣе переведенъ по-русски). Это чортъ знаетъ что такое!“ „Да ты не кипятись, а выслушай, я хочу дать“...—началъ было Мочаловъ. Но Щепкинъ его не слушалъ, онъ почти бѣгалъ по сценѣ и кричалъ: „возобновлять такую отвратительную пьесу! Да я бы, этого подлеца Дюсиса повѣсилъ на первой осинѣ! Осмѣливается передѣлывать Шекспира! Да и ты, братъ, хорошъ! Хочешь вытащить изъ театральнаго хлама эту мерзость—стыдъ и срамъ!“—„Да я хочу дать другого Гамлета“, почти прокричалъ Мочаловъ. „Другого?“—спросилъ Щепкинъ, остановившись. „Да другого, перевелъ съ англійскаго Полевой“. „Ты такъ бы и сказалъ“, проговорилъ Щепкинъ, садясь на прежнее мѣсто. „Да самъ же ты ничего не слушалъ“, замѣтилъ Мочаловъ.

Въ этой сценкѣ передъ нами—весь Щепкинъ. Это порохъ, готовый моментально вспыхнуть, а вовсе не безстрастный аналитикъ. Такая воспламеняемость темперамента отличала и

¹⁾ Прекрасно выразился о Щепкинѣ Гоголь въ письмѣ къ Сосницкому отъ 2 ноября 1846 г.: „Что касается до игры въ „Развязкѣ Ревизора“, то на счетъ этого прочтите мои строки въ письмѣ къ Щепкину. Въ нихъ я дѣлаю ему прямо и откровенно мои замѣчанія и даже совѣты, зная, что онъ по страсти и любви къ искусству готовъ себя считать вѣчнымъ ученикомъ и выслушивать даже и не весьма умные по виду совѣты даже и отъ простыхъ людей“.